

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ



Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Пожалте,
уважаемый
товарищ урожай!
В. МАЯКОВСКИЙ.

КРОКОДИЛ

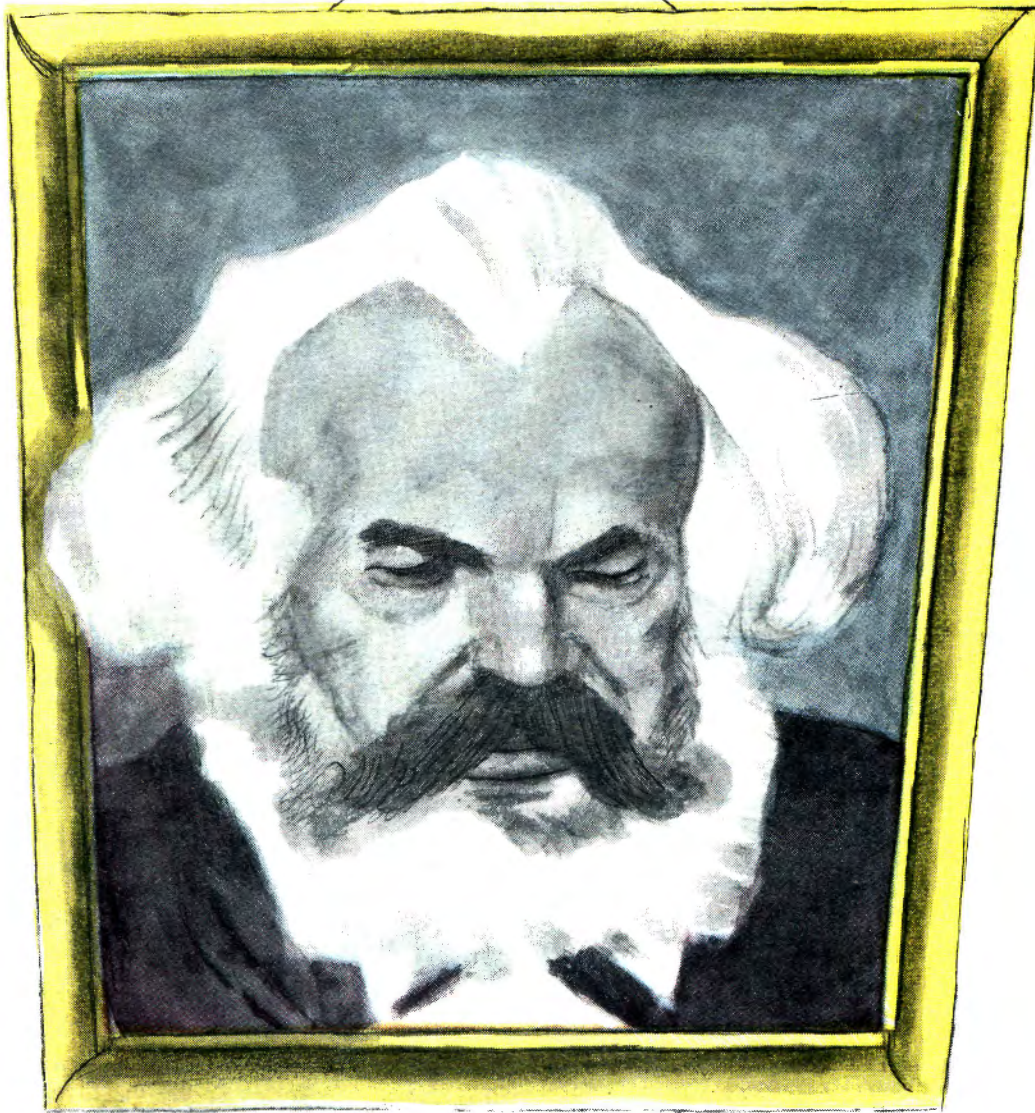
МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

№ 29

20 ОКТЯБРЯ
(1463)

1956

ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.



— Ты весь доклад строишь из моих цитат!
 — Нет, я и Энгельсом пользуюсь!

Борис КОТЛЯРОВ

Пауза

Ах, как подготовлено было собрание!
 И были расписаны речи заранее,
 И сам предзавкома сказал четверым:
 «Ты выступи первым! А ты, брат, вторым!



Ты, третий,— в конце! Закругли! Закруги!
 Четвёртый предложит черту подвести!
 Но первый спешить не обязан. Не надо!
 Пусть выдержит паузу после доклада.
 Ведь если он выскочит,— сразу поймут,
 Что, значит, его подготовили тут.
 — Кто первым!..— спрощу я и раз и
 другой.

Сиди, не волнуйся, не дёргай рукой.
 У нас на трибуну спешить не привыкли.
 Нахмурься, как будто бы мысли возникли,
 И лишь после третьего раза вставай.
 Я дам тебе слово — уж тут не плошай,
 Докладчика скромно, но всё же хвали.
 Его же и выберем! Ясно! Пошли!»

...Вот кончил докладчик... «Кто выступит
 первым!»

Молчанье. У «первого» крепкие нервы,
 И паузу выдержал он в тишине...
 Вдруг кто-то неожиданный: «А дайте-ка
 мне!..»

И тут как пошло! Только: «Дайте!..»
 и «Дайте!..»

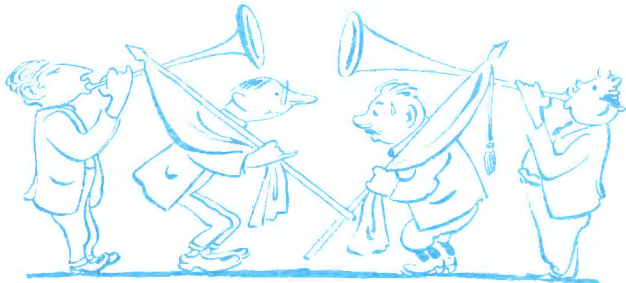
«А после меня запиши, председатель!»
 Мы видим, свело председателю рот,
 Собрание совсем «не по плану» идёт,
 Докладчика все критикуют сурово
 И — как ни крути — выбирают другого.
 А тем, четырём, и сказать не пришлось:
 Куда уж! Их видно бы стало насквозь.



А сам председатель с тех пор занемог:
 «Сорвал я собрание! Вот это урок!
 Я так проводил их! А снова смогу ли!..
 Всё пауза эта виной! Затянули!..»

г. Харьков.

ПОЮТ ФАНФАРЫ



В клубе Петровск-Забайкальского металлургического завода наступила торжественная минута: запели фанфары, ударил медный гром духового оркестра, и на сцену вынесли развёрнутое знамя. О, какое это было знамя! На тяжёлом алом бархате золотыми буквами было написано: «Передовому цеху завода».

На трибуну взойшёл председатель завкома Михаил Дмитриевич Часовитин и прочувствованно сказал:

— Товарищи! Разрешите мне вручить заводское переходящее знамя победителю в соревновании — коллективу горнорудного цеха! Пусть ещё шире развёртывается соревнование на нашем заводе!

Да, это были праздничные минуты!

А затем наступили будни. Через два месяца состоялось заседание заводского комитета, на котором Михаил Дмитриевич Часовитин сказал:

— По условиям соревнования, мы должны решить вопрос о переходящем Красном знамени. Оставить ли его у прежних владельцев или передать другим...

Оказалось, что лучшие показатели за эти два месяца имеет мартеновский цех.

— Так и запишем,— резюмировал председатель завкома.— Отобрать знамя у... у...

Он не закончил фразы. Почесал за ухом и, слегка вздохнув, сказал:

— Старую, братцы, старую. Память уже не та, что в молодости. Вот, представьте, забыл, у кого сейчас знамя. Ну, не смешно ли? Ха-ха! Подскажите-ка...

Воцарилось неловкое молчание.

— Как же так! — забеспокоился Михаил Дмитриевич.— Неужто и вы не помните?

Члены завкома мучительно морщили лбы, жевали губами, чесали в затылках, разглядывали потолок. Увы! Эти испытанные способы восстановления памяти на этот раз не помогли. Никто не мог вспомнить: кому же было вручено знамя?

Создалось драматическое положение. Попробовали разыскать протокол заседания завкома, на котором решался вопрос о присуждении знамени. Не нашли. Кое-кто из членов завкома стал сомневаться: а вручили ли мы вообще кому-нибудь это знамя, может, оно просто лежит где-то? А может быть, знамени и вовсе не было? Обшарили все углы, с пристрастием допросили уборщицу и сторожа. Тщетно!

Спас положение заместитель директора завода тов. Ульзутуев. Его осенила гениальная по своей простоте мысль: купить другое знамя! Только и всего!

И вот снова запели фанфары, снова грянул духовой оркестр, снова Михаил Дмитриевич Часовитин прочувствованно сказал с трибуны:

— Товарищи, позвольте мне вручить переходящее знамя победителю в соревновании — коллективу мартеновского цеха! Пусть ещё шире развёртывается на нашем заводе соревнование!..

Вскоре Михаил Дмитриевич позабыл неприятную историю с пропавшим знаменем. Но на одном из собраний партийно-хозяйственного актива завода слово взял рабочий горнорудного цеха Аверьян Крылов:

— До нас дошли слухи, что переходящее знамя вручено мартеновскому цеху. Как это понять? Знамя-то у нас... Неладное что-то получается...

Действительно, получилось неладно. Теперь на заводе два переходящих знамени. Как быть? Разные советы слышит Михаил Дмитриевич: одни рекомендуют списать старое знамя, другие — продать новое, третьи — приберечь в завкоме одно из знамен. Пусть будет, так сказать, про запас: одно затеряется, второе — тут как тут. Поговаривают, что председатель завкома лично склоняется к последнему варианту.

И ещё поговаривают, будто председатель Читинского областного совета профсоюзов Валентин Григорьевич Синявский, прослышав обо всей этой истории, весело, от всей души смеялся.

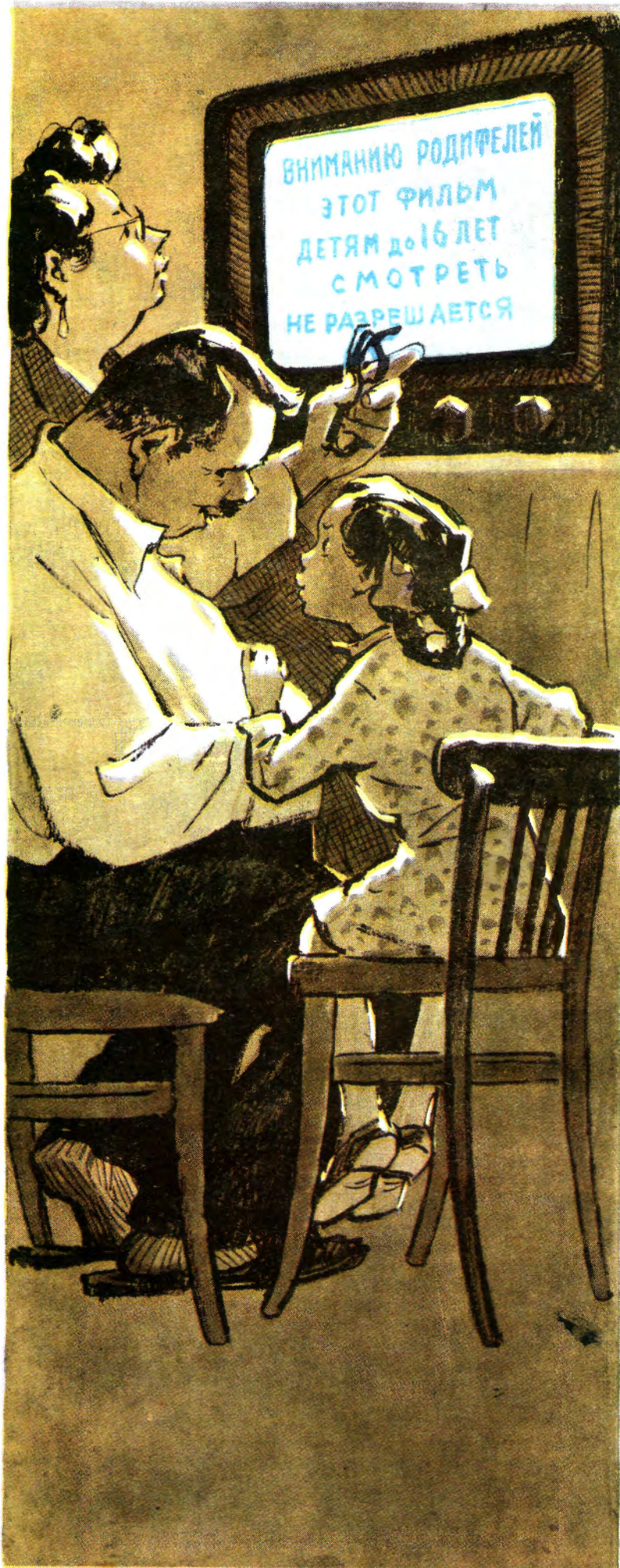
Олег СМЕРНОВ

г. Чита.

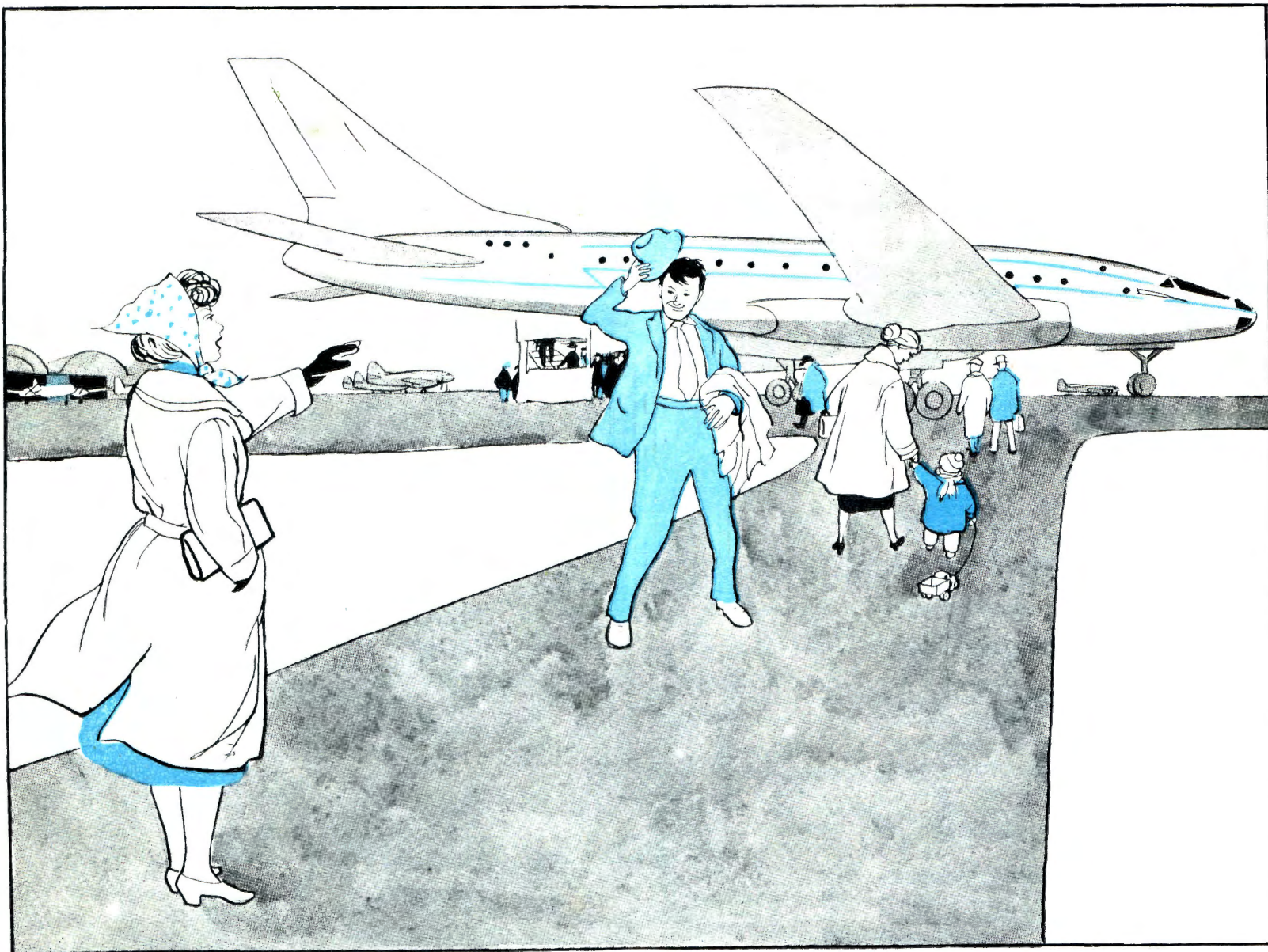
ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Ко мне поступили новые сведения о поющих фанфарах и пропавших знамёнах. На сей раз речь идёт о переходящем знамени Петровск-Забайкальского горкома партии, вручённом металлургическому заводу. А на заводе это знамя потеряли! Секретарь парткома завода тов. Болдырев отдал знамя на «хранение» заведующему клубом тов. Снурницыну. А тот потом никак не мог вспомнить, где оно. Всё бы ничего, да вскоре знамя потребовалось: горком партии присудил его новому победителю в соревновании городских предприятий. Стоит ли повторять описание поисков знамени на металлургическом заводе? К счастью, знамя в последний миг отыскалось: заведующий промышленно-транспортным отделом горкома КПСС тов. Алехнович нашёл его... в кладовой клуба.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

По теме читателя Л. Захарьина (ст. Тарасовская, Ярославской ж. д.)



— Папа, почему сегодня детям до шестнадцати лет нельзя смотреть телевизор?
— Посмотришь — узнаешь...



— Я, Леночка, навещу родителей в Иркутске, а к вечеру вернусь, и мы пойдём в Малый театр...

Картинка с выставки

Зал встречи прибывающих на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. За столом — групповоды, регистрирующие экскурсантов.

ГРУППОВОД (экскурсантке): Откуда приехали?

ЭКСКУРСАНТКА: Из Мордовии.

ГРУППОВОД: Чем занимаетесь?

ЭКСКУРСАНТКА: Домашняя хозяйка.

ГРУППОВОД: Любительница, значит?

ЭКСКУРСАНТКА: Верно, любительница. Страсть люблю путешествовать!

ГРУППОВОД (смеётся): Я не про то! Я насчёт хозяйства. Может, новую породу свинок вырастили?

ЭКСКУРСАНТКА: Нет, хозяйство у меня городское: стирка, готовка...

ГРУППОВОД: Странно!.. Как же это вы на выставку экскурсантом попали?

ЭКСКУРСАНТКА (протягивая две путёвки): По путёвке я. Дочку провожаю. Дочка у меня...

ГРУППОВОД: В полеводческой бригаде работает? Или, может, она доярка?

ЭКСКУРСАНТКА (обиженно): Что вы, господь с вами! Дочка у меня с образованием. Библиотекарем в рес-



публиканской библиотеке работает. Путёвки-то у нас из Министерства культуры.

ГРУППОВОД: Чем же вы здесь интересоваться будете?

ЭКСКУРСАНТКА: Всем, голубчик, всем! В Москве ведь немало интересного: ГУМ, ЦУМ...

ГРУППОВОД: Куда же мне вас записывать? Вот у нас тут специальные бланки разграфлённые заготовлены: животноводы, растениеводы, полеводы... А вас с дочкой хоть промеж граф записывай: ни к одной не ходите...

ЭКСКУРСАНТКА (сердито поджимая губы): Если уж о подходе говорить, то мы к руководящей графе подходим! (Выдерживает эффектную паузу, в течение которой обводит сидящих за столом и стоящих в очереди победным взглядом.) Ведь заместитель министра культуры Поршаков — сынок мой. А ты нас промеж граф хочешь! То-то, подумай, недогадливый! (Исполненная достоинства отходит от стола.)

Недогадливый групповод, следуя её совету, крепко задумывается.

И. ЧЕРЕВАТАЯ

В защиту маленьких

НАМ ПИШУТ...

В редакцию пришла жалоба — одна из многих, но не совсем обычная. На сей раз настойчиво требовала помощи проживающая в посёлке Шумихинском, Молотовской области, гражданка Татьяна Летунова:

«Дяденька Крокодил! Хоть за меня папа пишет, ты не думай, что я маленькая. Мне уже целых три года, меня даже в детский сад приняли. Только ходить туда не в чем. Из старой обувки я выросла, а новой папа во всём городе Молодове не достал. Может, посоветуешь, как нам быть? Или спросишь у дядей из Главобувьторга?»

Не успел Крокодил решить, что посоветовать Тане и её папе, пришло письмо из Россохи, а в письме два снимка.

«Ничего не поделаешь,— пишет заместитель начальника россоханской конторы связи В. Д. Маючий,— пришлось открыть у себя на дому небольшую сапожную мастерскую. Когда старые сандалии стали моей дочке совсем не по ноге, я вооружился кухонным ножом, разрезал задники и отделил подошвы от верха так, чтобы дать простор пальцам. А снимок показывает, как мы намерены использовать мамини туфли, если сандалии, они же босножки, износятся до закрытия, с санкции Министерства торговли, моего кустарного предприятия...»



Дальше — больше... Письма огорчённых пап и мам поступали из Воскресенска и Джамбула, Ижевска и Полтавы, Котельнича и Фрунзе, Орска и Чарджоу... Короче говоря, Крокодил закурил на дорожку и отправился в дом № 47 по улице Кирова, чтобы поинтересоваться:

— А что, в самом деле, думают обо всём этом товарищи из Главобувьторга?

«ПРЕТЕНЗИЙ НЕТ»

— Вопрос для нас далеко не новый,— сказал заместитель начальника Главобувьторга И. В. Петров.— Если обратиться к историческим данным, нетрудно убедиться, что в основе его лежит положительное явление...

— А именно? — несколько опешил Крокодил.
— История свидетельствует,— разъяснил Иван Васильевич,— что деревенские ребятки раньше обходились без городской обуви, а те-

перь её требуют. С другой стороны, и сельские и городские молодые потребители отказываются ходить летом, как встарь, босиком. Следовательно, нехватку обуви для детей можно считать одним из показателей возросшей покупательной способности населения.

— А только ли в этом дело? — полюбопытствовал Крокодил.— Может быть, вы что-нибудь не так спланировали?

— Об этом и речи быть не может!

— Тогда, значит, виновата обувная промышленность?

— Нет, к обувщикам мы претензий не имеем. План по детокой обуви они выполняют. Я, конечно, говорю о плане в целом.

— А в частности?

— В частности, бывают иногда отдельные, частичные отступления. Но общей картины они не меняют. И, что самое главное, картина эта благодаря принятым решительным мерам круто изменилась к лучшему.

— Что ж, проверим,— решил Крокодил и, пригласив в компанию пять друзей-товарищей, отправился по маршруту Москва — Иваново — Горький — Сталинград — Липецк — Свердловск — Москва.

ПРОСЬБА ЗАМЕНИТЬ...

По свидетельству ивановских старожилов, местные папы и мамы становятся всё более сознательными. Они больше не докучают работникам прилавка расспросами. Глянут на пустые полки обувной секции — и уйдут потихоньку...

Обеспечивать ивановское подрастающее поколение обувью должна в основном горьковская фабрика «Красный кожевник». Но горьковчане не поставляют и половины того, что обязаны, а недавно обрадовали телеграммой: «Фабрика не выполняет план т.к. просьба заменить ботинки на полуботинки».

Глянули ивановцы на календарь, видят, дело к зиме идёт, полуботинки детям вроде как не по сезону, и отказались. И чем теперь это «отдельное, частичное отступление от плана» завершится, не скажут, пожалуй, ни недавний собеседник Крокодила Иван Васильевич Петров, ни сам начальник Главобувьторга Михаил Николаевич Бельский.

ПРАВИЛЬНЫЙ ПЛАКАТ

В кабинете директора обувного магазина № 49 Нагорного промторга города Горького висит плакат. На плакате — мужчина с девочкой, в руках у них — коробки с обувью. Стихотворная подпись гласит:

*Ваши лучшие показатели —
Довольные покупатели.*

В общем, плакатные папа с дочкой состоянием торговли обувью довольны. А все прочие жители города Горького — нет. И в магазинах и на базе Главобувьторга детская обувь отсутствует. Зато главный её поставщик, директор местной фабрики «Красный кожевник» тов. Альперович, тот самый, что обижает ивановских школьников, усиленными темпами выпускает дамские «танкетки». Кто их будет покупать на зиму глядя — неясно...

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛОГИКА

Было время, сталинградских детишек снабжали обувью фабрики Москвы, Таганрога, Тбилиси, Еревана. Но с июня этого года поступление детской обуви из других городов полностью прекратилось. А соображения, которыми руководствовался при этом Главобувьторг, таковы:

— Новая сталинградская фабрика детской обуви должна к 1 июня вступить в строй? Должна. Ну, пусть и снабжает весь Сталинград, а заодно Ульяновск с Астраханью!

Одна беда: в июне фабрика не выпустила ни пары обуви, и сейчас ещё большая часть её оборудования бездействует, а некоторые цехи стоят пока без крыш.

Фабрика едва-едва выполняет план наполовину. Магазинные полки пустуют. Жалобные книги заполняются до предела. Но в ответ на отчаянные запросы и слёзные мольбы из Главобувьторга доносятся одни и те же пронизанные железной логикой соображения:

— У вас своя фабрика есть? Есть. Наряды на эту фабрику вам выданы? Выданы. Вот и обходитесь, как умеете...

ТРЕХЧЛЕННАЯ ФОРМУЛА

Этой осенью 3 130 липецких мальчиков и девочек впервые пошли в школу. По меньшей мере 3 130 липецких родителей наведывались каждый день перед началом учёбы в магазины за обувью. Но узнавали они всё одно и то же:

— Нет. И давно не было. И когда будет, неизвестно...

Прошёл месяц, а картина без перемен: ни в одном липецком магазине нет ни одной пары ботинок или туфель ходовых ребячьих размеров — с двадцатого по тридцатый. Впрочем, в том, что касается Липецка, заверения руководства Главобувьторга оправдываются: вся обувь, предназначенная главному для здешних школьников и дошколят, уже получена. Да что в том толку, если план поставок занижен был ровно вдвое!.. Вот и ходят попрежнему папы с мамами из магазина в магазин, где их встречают всё той же трёхчленной формулой:

— Нет. И давно не было. А когда будет, неизвестно...

ПОКА САША ПОДРАСТЁТ...

Незадолго до начала учебного года Саша слышал, как мама говорила папе:

— Не могу же я вести его на первый урок в штиблетах сорок второго размера!

— А почему нет? — вступил в разговор Саша.— Я буду, как маленький Мук.

— Не мешай! — отрезал папа.— Это тебя не касается!

Но он был не прав. Дело близко касается и Саши и многих-многих других маленьких свердловчан. Ведь именно по их ребячьим интересам бьют красующиеся в витринах аккуратные таблички:

Детской обуви 22—30-го размеров нет.

А если родители всё же заходят в магазин, им разъясняют:

— Фонды исчерпаны.

И не мудрено, что исчерпаны: на 1956 год для свердловских ребят, точно так же, как для липецких, запланировано было гораздо меньше обуви, чем нужно. Даже меньше, чем на прошлый год, когда обуви тоже не хватало!

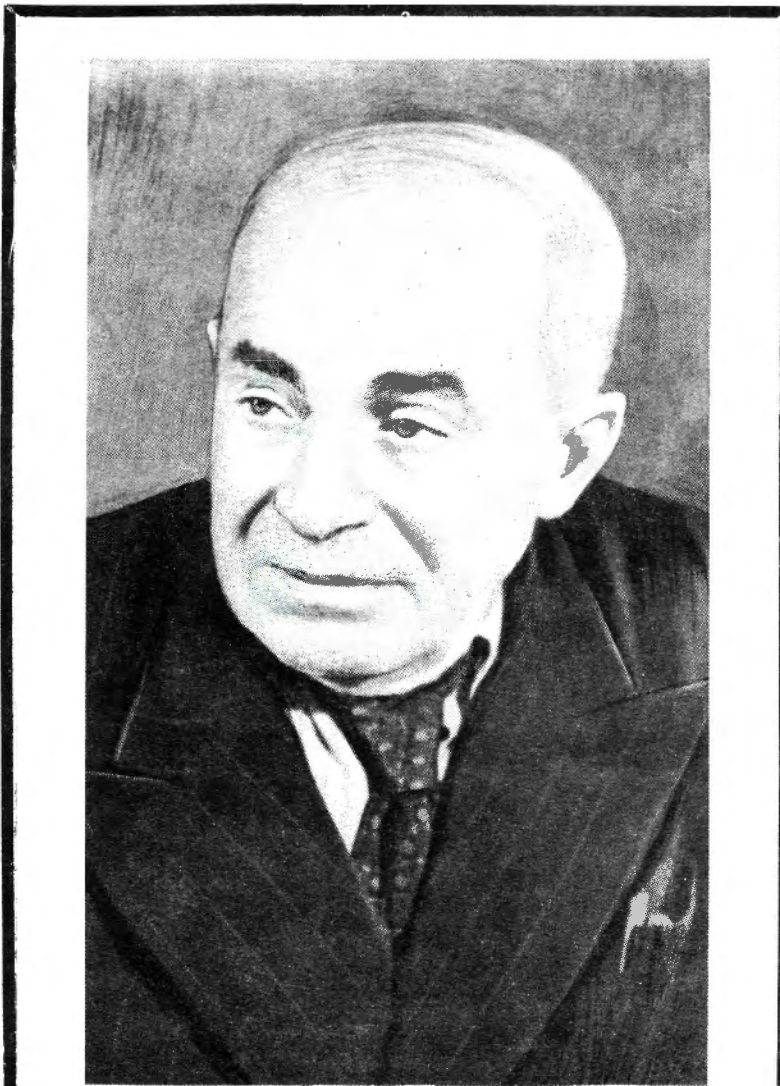
...Пусть Саша согласен ходить во «взрослых» штиблетах, чтобы походить на маленького Мука,— папа с мамой против. Их мнение важнее. И товарищам, работающим в Москве, в доме 47 по улице Кирова, надо бы с этим мнением считаться.

...Когда Крокодил вернулся в Москву, в полутёмном коридоре Главобувьторга висел номер стеновой газеты с отчётом о всесоюзном совещании управляющих базами. В этом отчёте приведена, между прочим, реплика красноярца тов. Таранта:

«За то, что ребятшек оставили без обуви кто-то должен обязательно понести ответственность».

А товарищ, пожалуй, прав...

А. АМЕТИСТОВ («Сталинградская правда»), А. БАБИКОВ («Ленинское знамя»), Л. ГОДЕС («Уральский рабочий»), Б. ИОВЛЕВ («Рабочий край»), В. МАЛЮГИН («Горьковская правда»), С. ШЕВЕЛЁВ («Крокодил»).



ОСТАП ВИШНЯ

Советская литература понесла тяжёлую утрату: умер Остап ВИШНЯ — зоркий и острый сатирик, великолепный юморист, писатель яркого и само-бытного дарования.

Будучи выходцем из народных низов, он хорошо знал народную жизнь. Его острые фельетоны и весёлые рассказы покорили читателей своей жизненной достоверностью и самоцветным богатством сочного и своеобразного словаря.

Его сатиру всегда сдобривал лукавый и умный украинский юмор, и это придавало ей обаяние человечности, без чего самая изощрённая, сюжетно «закрученная» сатира превращается в холодную вспышку бенгальского огня. Именно человечность крепкого, как «спирт в полтавском штофе», юмора украинца Остапа Вишни делала его рассказы понятными и близкими читателям иных национальностей. Русские читатели полюбили и его охотничьи рассказы, в которых этот сатирик и юморист предстаёт перед нами как тонкий поэт родной природы.

Изо дня в день, из года в год создавал Остап Вишня свои блистательные юморески и сатирические миниатюры и, как настоящий художник-публицист, умел в злободневном отразить черты непреходящего.

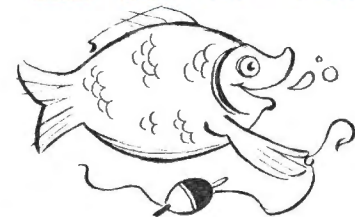
От нас ушёл большой писатель-патриот, до конца дней борющийся своим пером сатирика за правду нового мира, ушёл мудрый, много повидавший и много переживший замечательный наш современник, ушёл личный друг многих и многих советских писателей.

Творчество Остапа Вишни прочно войдёт в золотой фонд советской литературы. Не померкнут и не остынут его «Вишневі усмішки».

Остап ВИШНЯ

Из охотничьих рассказов

КАРП



Чудный лес. Смешанный. И дубы большие-пребольшие в лесу растут, и ясенки, и берёзки, и сосны. А более всего дубов да осен. В тихую погоду в лесу не шеложнётся: тихо-тихо, только нетнет, да и заиграет иволга флейтой, застучит дятел, зативливает щегол... И снова тихо.

Посредине леса пруд, украшенный камышом с одной стороны... И как-то уж получилось так, что на одном берегу в пруд сосны заглядывают, а на другом, противоположном,— дубы... Слева, над прудом, плотина, а справа простёрся луг с зелёными кустами, вербами и густой-прегустой травой.

В том пруду карпы живут. Огромнейшие карпы! — Ох, и большие же карпы в том пруду живут! Как корыто! И как же хочется поймать это «корыто»...

И ещё после того, как вам скажут: — Да что вы?! Да там как ухватит, как дёрнет, как поведёт, так и не подумайте подсекать! Старайтесь, чтобы сам сорвался. А то и крючка не будет, и лески не будет, и удилица не будет, и сами вы, если за дуб не уцепитесь, так в пруду окажетесь! Вот какие карпы у нас! Не карпы, а жеребцы! Они у нас особенной породы, гибриды: мать — зеркальная, а отец — симментал.

Вот и хочется поймать такого гибрида. Председателя колхоза, которому принадлежит тот чудесный пруд, мы нашли в степи, возле комбайна, как раз домочадивающего большой участок озимой пшеницы.

— Разрешите, Иван Павлович, карпика поймать у вас,— сказал я безнадёжно, так как знал, что он никогда к пруду и близко не допускал.

Иван Павлович усмехнулся и говорит: — Ловите, хлопцы, ловите! Вижу, что вы рыбаки боевые! Рванулись мы к пруду что было мочи. И он разрешил всё же потому, что настроение у него хорошее: жатву заканчивают досрочно, озимая пшеница, как лес, и хлебосдача уже выполнена.

— Только смотрите, чтобы карпик вас сам не поймал! Карпы у нас такие...— вдогонку бросил нам председатель. — Да мы только так, чтобы побороться с карпом!— крикнули мы.

А клюют карпы на рассвете... И особенно тогда, когда первый нежный луч прорезывает кроны дубов и золотит дубовые листья.

А как только солнечный луч позолотит дубовые листья, тогда он выгваивается из дубовой чащи и падает на пруд; тогда и пруд золотой, и камыш, и рогоз, и песок на берегу — всё тогда золотое.

И луч от воды отскакивает, летит на тот берег труда, а там сосны; становятся тогда золотистыми и сосны, и ясенки, и клёны; позолотив их, луч летит дальше, аж туда, туда, туда, что его уже и не видно... Только след его остаётся, весёлый да игривый...

И всё тогда оживает, и всё тогда радуется. А как в золотом пруду карп всплеснётся, так и карп тогда золотой.

А карп, как корыто... Золотое корыто... Вот какие дела над прудом солнце со своими весело-игривыми лучами проделывает.

А как же поймать того карпа, живущего в пруду среди чудесного смешанного леса, где такие могучие дубы, высокостройные сосны, остролистые клёны? Как?

Прежде всего давайте подумаем, стоит ли такого карпа ловить? — Стоит!

Вы когда-нибудь переживали такой момент, когда на ваш крючок клюнул карп? Переживали? Если не переживали, обязательно переживите, а если переживали, вам захочется этот момент пережить ещё раз! До боли, до бешенства, до крика захочется.

Представьте себе такую картину: сидите вы над прудом рано утром. Рассветает... Слева от вас зажглось небо... То солнце поднимается... Об этом уже писано, не будем ещё раз писать... В руках у вас удочка. Леска у вас прочная, крючок у вас стальной, закалённый, крепкий. На крючке — картошка, сваренная как раз так, как любит карп: ни мягкая, ни твёрдая — в самый раз. Вы смотрите на поплавок так, как даже, когда были женихом, не смотрели в голубые большие-большие глаза своей возлюбленной... С таким вниманием, с таким желанием, с таким ожиданием! И вдруг поплавок — дёрг! У вас сердце — ёк! Ещё раз — дёрг! Ещё раз — ёк! И вот ваш поплавок поехал-поехал-поехал и исчез под водой. Когда поплавок начинает ехать-ехать-ехать, у вас из-под сердца что-то холодное покатилося-покатилось. Вы за удочку — ррраз! Подсекли! И чувствуете, что в руках у вас что-то трепещет! И видите, что леска ваша натянулась, как струна, а удилица дугой и дрожит!

— Есть! Он, карп! Вы ведёте его к берегу... Удилище с леской ходит сюда, ходит туда... Вот карп уже у берега. Вот высунулась его голова, вот уже видно его спину. Он рвётся, извивается, бьёт хвостом, скручивается в баранку, вырывается... Но вы его не пускаете, ведёте... Ещё шаг, и он будет на берегу... Сердце у вас колотится, и дышите вы глубоко и часто. Вы уже видите этого карпа либо фаршированным, либо маринованным, либо просто жареным. Вдруг — ррраз! Шлёп! Вы — дёрг; крючок пустой, а карп, на мгновение оторопевший, ещё стоит перед вами... Какие минуты!..

Вообще карпа в данном случае у вас нет: сорвался. Что делать? Были такие случаи, что рыбак прыгал в воду, чтобы ухватить карпа руками. Бултых! В одежде, в сапогах, с картошкой в сумочке, с папиросами и с путёвкой в Гагру в кармане... Напрасно! Карп на путёвку — даже в Гагру! — не клюёт, не берёт он и на картошку в сумочке, клюёт он только, когда картофель на крючке.

Более спокойные рыбаки в такой момент что-то выкрикивают, в зависимости от темперамента, и наживляют на крючок свежую картошку. Закидывают снова и сердито сопят.

Когда сосед (а сосед ваш — стахановец завода «Ленинская кузница», страстный рыбак, отдыхающий в лесу) спросит: — Большой сорвался? — Большой, аж чёрный! — отвечают и снова сопят.

Хуже, разумеется, когда попадётся такой карпище, что от вашей лески остаётся только обрывок, а крючок ваш украшает верхнюю губу карпа...

В таком случае на вопрос соседа, что случилось, строго отвечают: — Порвало!

Не рекомендуется, между прочим, при ужении карпа оставлять удочку на берегу неприязанной, а самому уходить прогуливаться по лесу, потому что частенько происходят такие случаи, когда подпаски будут кричать вам:

— Дядя, ваша удочка поплыла! Потонуло! Тогда приходится раздеваться и мотаться по пруду, ловить удочку...

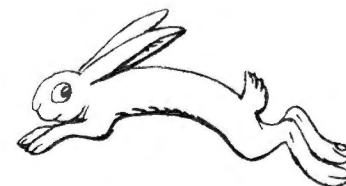
А карп в таких случаях мастер померяться над вами: только вы к удочке, а он — дёрг и поплыл... Потянуло!

...Так скажите, прошу вас: стоит или не стоит удить карпа, переживая такие вот волнующие моменты?

Мы уже не говорим о переживаниях, когда карп не сорвался, а привезён домой, замаринован, или зафарширован, или просто закарен!

И вы закусываете и рассказываете: — Вот как ухватило! Вот как потянуло! Да я не из тех, чтобы улусить.

А председатель в этом колхозе, скажу я вам, хитрющий. Помеялся он над нами... Хорошо ведь знал, что карпы в этом пруду такие, что не нам их этими удочками поймать. Потому и разрешил.



ЗАЯЦ

Золотая осень... Ах, как не хочется листу с древа падать! От печали он словно кровью налился и окровавил лес.

Печально скрипит дуб, задумался перед зимним сном ясень, тяжело вздыхает клён, только берёзка, желтовато-зелёная и «раскудря-кудря-кудрявая», кокетливо выставила свою белую стройную фигуру, будто дожидается свидания с Левитаном или, быть может, Чайковского на симфонию вызывает.

Чертят тригонометрические фигуры высоко в небе запоздалые журавли и, курлыча, спрашивают: «Слышишь, брат мой, товарищ мой! Улетаем!»

Золотая осень... Вот в эту самую пору заяц уже сбежал к скорняку, тот подбрал ему на все прорешки густопыльные кусочки меха, вычистил уши и лапки и посадил на хвостик белый помпон.

Набиваются патроны крупной дробью, вынимаются тёплые брюки и пиджаки, смазываются грубейшие сапоги, рвутся на портянки тёплые кальсоны, отбрасывается в сторону всеёленький картузик-кепочка, а вместо него растягивается на кулаках задумчиво-серьёзная шапка-ушанка.

Если в охоте на уток большое значение имеют помидоры и огурцы, то тут их заменяют сало и колбаса.

Неизменной остаётся стопка. При охоте на уток стопка, как мы знаем, берётся для того, чтобы черпать из лодки воду, а при охоте на зайца в стопку при известном опыте очень хорошо осматривать горизонт: если смотреть сквозь дыночку, местность становится рельефнее.

Все вышепоименованные предметы раскладываются в определённом порядке на диване, вы ходите и всё по несколько раз пересчитываете, проверяете, не забыли ли чего-нибудь:

— Брюки, значит, есть! Сапоги есть! Портянки, значит, есть!

Патроны есть!.. Сало и колбаса есть!.. Гм-гм... есть... Не мало ли будет?

— Хватит, хватит! — спешит успокоить семейство. — Ну, кажется, всё. Так я лучше выеду пораньше, чтоб не опоздать на поезд.

Наскорю одевшись, укладываете всё в рюкзак. — Ну, бывайте здоровы! Не грустите: денька через два — три я вернусь!

— А ружьё ты взял? — А и правда, где же оно? — Да я стол им подпёрла, потому что ножка поломалась. — Да разве можно ружьём?!

— А что ему делается? Хотя какая-нибудь от него польза. А то... — Ну, хватит, хватит! Будь здорова! Порасспроси у Екатерины Николаевны, как зайца салом шпиговать, а то потом всё испортишь... Да купи сала не меньше чем на трёх зайцев.

— На трёх?! — Ну, покупай на пять! Я больше пяти не настроеляю. Поехали!..

2

Охотятся на зайцев в основном тремя способами: с подъёма, из-под гончих собак и на засадах.

С подъёма можно охотиться одному и коллективом. Идётся себе один пашней, озимью или бурьяном и «вытопты-вашь» зайца, который, как известно, днём лежит и отдыхает... Подходишь к его лёжке, заяц и выскакивает...

Если охотитесь компанией, то есть коллективом, лучше идти так называемым «котлом», такую, как бы сказать, дугой, чтобы фланги были впереди от центра. Заяц как выскочит, к примеру, в центре, то ему уже иначе, как на сковородку, бежать некуда.

Как же лучше охотиться, спросите, одному или коллективом? Почти одинаково.

Если имеются такие собаки, их пускают в лесок или в овраг, они бегут, поднимают зайца и гонят его «голосом».

Вы становитесь на пути, где должен пробежать заяц, и... мажете по нему.

Но красота охоты на зайца с гончими не только в вашем промахе.

Вы представляете себе, когда целая стая гончих идёт следом за зайцем: впечатление такое, будто какой-то оригинальный, ни в какой филармонии не виданный и не слышанный оркестр играет. Заливается флейта, трубит с переливами трубоч, рывкает бас, гудит баритон...

«Сколько жару, сколько страсти в голосах!..» Эх, если бы в наших оркестрах с такой страстью играли оркестранты, какие были бы симфонии!

Стоишь, слушаешь, сердце распирает тебе грудь, горит мозг, и ты мажешь, мажешь и мажешь... На засаду выходите, когда уже совсем стемнеет.

Выходите в большом дублёном кожане. Хозяин вас спрашивает: — Может, и свитку надели бы? — Нет,— говорите,— не нужно. Не так-то уж и холодно.

И ветра нет. Да и первач у вас с воротником. Тёплый первач, а я его хорошо подпояшу, оно и не продует.

Вы устраиваетесь на засаду у огромной колхозной соломенной скирды... Ночь тёмная, бодрая. На небе, над скирдой, звёзды, на земле, под скирдой, тихо-тихо.

А вот откуда-то издали, из соседнего села, доносится песня: — Катил-а-а-а-а... И тихо.

Вы ещё теплее укутываетесь в кожане... Задумываетесь... Невольно из груди:

Ой, зйди, зйди, ясен місяцю, Як млинове коло...

И снова тихо. Голова на солному клонится, клонится, клонится... Под кожаном тепло.

И на сердце тепло-тепло... Вдруг над ухом: — С добрым утром! Уснули? — Здравствуйте! Неужели уснул?!

— А завтрак уже на столе! Пойдёмте! — А где же ваше ружьё? — Нет... Гляди.

Сюда, туда — нет ружья. — Вот оно как! Тут у нас не зевай! Подследили, значит, и хапнули. Ну, ничего: может, где-нибудь выплывет...

— Неприятно! Хотя никому не говорите! Домой вы зайца всё-таки привезли. — А где же ружьё? — допытывается семейство.

— Курок чего-то закапризничал — занёс к мастеру. Вечером вы едите нашпигованного салом зайца. За столом торжественно: первый в этом сезоне заяц!

Торжественную трапезу разделяет с вами и ваш верный по охоте товарищ. — Будем здоровы! — Будем здоровы!

После ужина вы умоляюще смотрите на верного товарища, а он, прощаясь, еле ворочает языком: — Ты же не забудь завтра занести должок, что на зайца взял.

ТЕНЕРЬ ЭТО УЗАКОНЕНО...

Недавно, покупая фотоматериалы в одной крупной фирме фотооборудования в Чикаго, я столкнулся с любопытным явлением.

Продавец отдела, коренастый, лысый человек, сопровождающий меня по демонстрационному залу образцов товаров, спросил, какого рода снимками я занимаюсь. Я ответил, что вообще увлекаюсь снимками для детей, но иногда использую фотоаппарат и в моей журналистской работе.

Продавец оживился и спросил, о чём я пишу. Я ответил, что большей частью занимаюсь политическими разоблачениями.

— Вам следовало бы быть здесь час тому назад, — сказал продавец. — Вы встретились бы с одним интересным человеком.

И он конфиденциально добавил:

— Это крупный предприниматель, у него большая фабрика в Калифорнии. Он имеет множество неприятностей с красными. Они хотят захватить его фабрику. Он купил нашего оборудования на полторы тысячи долларов.

При этом продавец кивнул на ближайшую витрину.

Я не мог представить себе, какого рода фотографические принадлежности могли бы утешить этого предпринимателя в его затруднительном положении. Взглянув на витрину, я увидел маленькие прямоугольные металлические предметы.

— Что это такое? — спросил я продавца.

Тот улыбнулся:

— Это миниатюрные звукозаписывающие аппараты. Мы называем их лилипутами. Они работают от батарей. Их можно тайно носить при себе. Этот предприниматель намерен засылать своих людей на собрания коммунистической ячейки и при помощи этих аппаратов записывать всё, что говорят красные. А потом записи будут передаваться Федеральному бюро расследований.

Продавец подвёл меня поближе к витрине:

— Видите эти часы?

Действительно, я увидел красивые ручные часы.

— Не правда ли, их трудно отличить от обычных ручных часов? — спросил продавец, снимая эти часы с витрины. Я заметил, что с них свисают две длинные проволоочки.

— Видите, на самом деле это микрофон — стоит только протянуть эти проволоочки через рукав к звукозаписывающему аппарату. Хотите услышать сменившую историю? Недавно у нас был один покупатель-детектив — а мы продаём много таких приборов детективам и правительственным агентам, — он-то и рассказал мне её. Он знал, что один вор обокрал магазин, но не мог доказать это. Тогда он подошёл на улице к вору и сказал: «Джек, я знаю, что это была твоя работа». «Конечно, — ответил Джек, — вы это знаете и я знаю, но зато никто другой не узнает. Значит, дело в шляпе». А детектив имел на руке вот такие часы, и поэтому смог записать этот разговор на ленту. Потом он пригласил Джека в своё отделение и проиграл ему звукозапись. Джек во всём признался.

Продавец хихикнул и добавил:

— Джек не знал, что запрещено предьявлять на суде звукозапись с подслушанным разговором в качестве доказательства. В об-



— Хотел взять у наших туристов интервью. Не вышло! Им очень понравилось в Советском Союзе...

щем, этот вор не знал своих конституционных прав.

Затем продавец снял с витрины красивый кошачий портфель и сказал:

— Смотрите, на нём как будто обыкновенный замок, не правда ли? Но это такой же микрофон, как и часы. В портфеле находится звукозаписывающий аппарат. Это никому и в голову не придёт.

И он затараторил на своём привычном торговом жаргоне:

— Скажем, вы ведёте переговоры о заключении договора с профсоюзной организацией. Вы сидите в отделении этой профсоюзной организации и разговариваете с её руководителями. В подходящий момент вы просите разрешения на минуту отлучиться. Свой портфель вы оставляете в комнате. Всё, что говорят в ваше отсутствие, аппарат в портфеле записывает на ленту. Таким образом, вы точно знаете их намерения и заставляете их врасплох.

Продавец положил портфель на витрину и сказал торжественно:

— Теперь я покажу вам, насколько чувствителен этот аппарат. Говорите.

Мне пришлось произнести несколько глупых фраз. После этого продавец проиграл мне звукозапись. Он не преувеличил: можно было отчётливо услышать каждое слово.

Затем он показал мне ещё одно приспособление. Это был маленький колпачок с прикрепленной к нему проволокой. Он

надел этот колпачок на телефонную трубку.

— Всё, что вам следует сделать, — сказал он, — это соединить проволоку с вашим звукозаписывающим аппаратом, и вы сможете записывать на ленту все телефонные разговоры. Ещё пару недель назад мы не имели права продавать этот товар, так как это было бы незаконно. Но теперь разрешено.

— Неужели такая солидная фирма, как ваша, продаёт эти штуки? — спросил я.

— Мы всегда торговали звуковым оборудованием наравне с фотоаппаратурой, — ответил он. — А в настоящее время спрос на это оборудование так вырос, что мы просто не можем позволить себе отказаться от него. Это самый ходовой товар!

— Не правда ли, мы живём в очень странном мире? — спросил я.

Продавец многозначительно кивнул мне головой, затем подмигнул и неестественно громким голосом сказал:

— Вы знаете, я чрезвычайно доволен своей работой. Я должен сказать, что мой хозяин — прекрасный человек, чертовски прекрасный человек!

Приблизившись ко мне, он прошептал мне на ухо:

— Не возражайте! Возможно, что он сам поставил где-то здесь какой-нибудь аппарат для подслушивания.

Из американской газеты «Нейшл гардиан».
Перевёл Т. РЕМИЗОВ

Магдалена САМОЗВАНЕЦ

ПРОФЕССОР И БОБОЧКА

Известный профессор-языковед, который никогда не ходил по магазинам, однажды пошёл за праздничными покупками.

Едва он завернул за угол, как тотчас заметил вывеску:

«Лёгкая одежда».

В отделе головных уборов он увидел дамскую шляпку, как раз такую, о которой давно мечтает его жена, — лёгкую, маленькую, по форме напоминающую арбузную корочку.

— Покажите, пожалуйста, эту шляпку, — попросил он продавщицу.

— Вам минигитку? — переспросила продавщица.

Почтенный языковед искренне удивился:

— При чём тут минигит? Моя жена вовсе не страдает этим мозговым заболеванием!..

В другом отделе он решил сделать праздничный подарок самому себе:

— Попрошу вас показать вот этот шерстяной жилет!

— Не понимаю, о чём вы говорите! — удивилась продавщица.

— Да вот, вон там... — указал профессор на полку, где лежали шерстяные жилеты.

— Так бы сразу и сказали, что вам нужна безрукавка! — отрезала продавщица.

Профессор решил на ходу перестроиться.

— Покажите-ка мне шёлковую безрукавку, — сказал он, будучи уверен, что на сей-то раз его уж поймут.

— Это не безрукавка, а футболка, или, как их теперь называют, бобочка!

— Почему у вас все вещи изменили свои названия? — изумлённо спросил профессор.

— Шляпа, жилет! — презрительно отозвалась продавщица. — Стараемся избегать иностранных слов, заменяем их более понятными, народными. Понятно? Вот посмотрите, например, в каком ассортименте у нас представлены конфекция!

Профессор-языковед собрался было уходить, но вспомнил, что должен ещё купить носовые платки. Он подошёл к прилавку и задумался:

«Опять могут не понять. Как же теперь называются носовые платки?»

— Что вам надо? — подозрительно спросила продавщица.

— Гм... Как это теперь называется?.. Ну, такие тряпочки, утирочки для носа? Вот те, что лежат на полке...

— Вам нужны носовые платки? — догадалась продавщица и взглянула на него с любопытством. — Вы, наверно, из деревни?

— Нет, просто я очень обрадовался, что носовые платки так и называются, по-старому...

— Тогда вы, наверно, иностранец, — авторитетно объявила продавщица. — То-то, я смотрю, вы очень похожи на француза...

— Почему вы так думаете? — удивился профессор.

— Потому что вы не знаете самых простых, обычных названий!

Перевод с польского.

Купидон-автомат

Уверенной походкой входят автоматы в нашу жизнь. Раньше машины заменяли человеку руку. Теперь они помогают голове. Они считают и при этом не ошибаются. Они учатся переводить с одного языка на другой. Они управляют производственными процессами.

Но если так, то почему бы не заменить и чувства? Если машина может управлять производственными процессами, — значит, нетрудно автоматизировать и matrimonialный процесс!

Перед нами результат совместных усилий американских инженеров и конструкторов, чудо технической мысли, памятник деловой предприимчивости. Перед нами сват-автомат, или просто автосват. Рядом с ним привычная сваха-одиночка выглядит так же убого, как ветхозаветный дилижанс на фоне современного «кадиллака».

Внедрение новой машины в жизнь экономит мужчинам массу времени. Отпадает всякая необходимость в стадии предварительного ухаживания. От клиента требуется лишь одно: доллар. Всего один доллар. Вы опускаете монету в автосват, механизм немедленно приходит в движение, и из особой щели вы получаете фотографию — единственную, предназначенную только для вас. На оборотной стороне все необходимые сведения о невесте: список-минимум духовных запросов, адрес, размер приданого...

В интересах научной истины всё же прямо надо сказать, что автосват — механизм довольно-таки несовершенный. Машина работает не на основе какой-то теории, а по интуиции. Она недалеко ушла от базарного популя, выбирающего из множества одинаковых бумажек ту, в которой кратко излагается ваша «будущая судьба».

Естественно, что техническая мысль не могла остановить свой бег на автосвате. Успехи в области кибернетики позволили сконструировать уникальную «бракосочетательную машину» (БСМ). Этот аппарат разлагает сложные человеческие чувства на ряд простых, первоначальных компонентов.

Кандидат в мужья заполняет длинную анкету. Машина интересуется всем: здоровьем, возрастом, привычками, финансовым положением, наклоном почерка, отношением к жизненным неудачам. Женщине, кроме того, предлагается ответить, собирается ли она быть хорошей матерью и найдёт ли она в себе силы не замечать возможных увлечений своего будущего мужа.

Полученные ответы заносятся на специальные карточки, которые вставляются в машину. Затем механизированный купидон принимается за работу. Можно не беспокоиться: он автоматически разыщет клиенту подходящую пару. Машина учитывает даже такие нюансы, как гастрономические интересы и культурные запросы сторон.

— В любви нет ничего таинственного, — говорит владелица БСМ г-жа Клара Лейн. — Наука позволяет рассчитать её наперёд автоматически, с помощью электричества.

К таким глубокомысленным выводам г-жа Лейн пришла после того, как заработала на своём автомате в течение одного лишь года около 500 тысяч долларов.

Но даже такая совершенная машина, как БСМ, не даёт никакой гарантии на семейное счастье в будущем. Однако и здесь американская техническая мысль оказалась на высоте. Для желающих изобретена специальная «скоростная бракорастворяющая машина» (СБРМ). Достаточно бросить в эту машину несколько монет и сообщить ей своё имя — и через несколько минут появляется имеющий юридическую силу документ о расторжении брака.

Стандартизация даже самых интимных человеческих чувств в обществе, движущей силой которого является звонкая монета, не новость. Поэтому нет ничего удивительного и в автоматизации этих чувств. Тоже «прогресс»!

Г. ГЕРАСИМОВ

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чтобы понять, что такое «личная жизнь», мне достаточно взглянуть на самые обыкновенные, хотя и невидимые ножницы, например, на те, что есть у синьора Густаво, служащего Народного банка, моего соседа.

Каждый вечер, когда мы садимся ужинать, моя жена говорит:

— Началось!..

И в самом деле, слышится сухой звук: ж-ж-ик... ж-ж-ик... ж-ж-ик...

Мне не нужно выглядывать за дверь, чтобы понять, в чём дело. Это синьор Густаво энергичными взмахами своих ножниц перерезает все нити, которые связывают его с внешним миром. «Ж-ж-ик» — и перерезана ниточка, связывающая его с Народным банком. «С этой секунды я делаюсь независимым», — думает синьор Густаво. «Ж-ж-ик» — и падает ниточка, которая связывала его с правительством. «Наплевать!» — торжествует синьор Густаво. «Ж-ж-ик» — и перерезаны все его связи с булочником, портным и сапожником.

«Ж-ж-и-ик!» — на этот раз ножницы скрипнули особенно жалобно, и той последней ниточки, которой синьор Густаво был связан со своими близкими, то есть со мной и моей женой, — и этой ниточки как не бывало.

«Моя личная жизнь», — думает синьор Густаво, перерезая все эти нити. Он снимает башмаки, надевает домашние туфли, вытягивается в кресле и читает детективный роман. В этот момент ничто не связывает его с внешним миром, с ему подобными, с историей, географией и другими естественными науками, с живописью и скульптурой, с рабочими партиями и коммерсантами — ничто, даже тончайшая паутинка. Жизнь абсолютной личной. Личная во всё.

Синьор Густаво запирает дверь на два поворота ключа, тушит свет в передней и, бесшумно проплывая по фланелевым половикам (чтобы не портить паркета), удаляется в кухню. О личной жизни!

— Теперь они закоптят стёкла, — говорит моя жена.

Верно. Вот жена синьора Густаво уже закрывает глухие ставни. В этот торжественный момент синьор Густаво чувствует себя единственным в мире, единственнейшим и счастливейшим и своего рода величайшим Густаво с улицы Латгеа.

Я прислушиваюсь, и мне кажется, что из разных концов улицы, с разных улиц города до меня доносятся эти «ж-ж-ик», повторяющиеся тысячи раз: «ж-ж-ик», «ж-ж-ик»... Это тысячи синьоров Густаво разрезают все ниточки, которыми они связаны с миром, и начинают печальную церемонию «личной жизни».

Самая личная, самая счастливая. Между прочим, максимум этой «личной жизни» обретаётся в могиле. Это — такое место, где удаётся достигнуть минимального количества связей с действительностью, которая нас окружает. Некоторые из этих связей — увы! — всё-таки остаются, например, сырость, черви, не говоря уже о той цене, которую дерёт известное коммунальное учреждение за эти несчастные три квадратных метра земли.

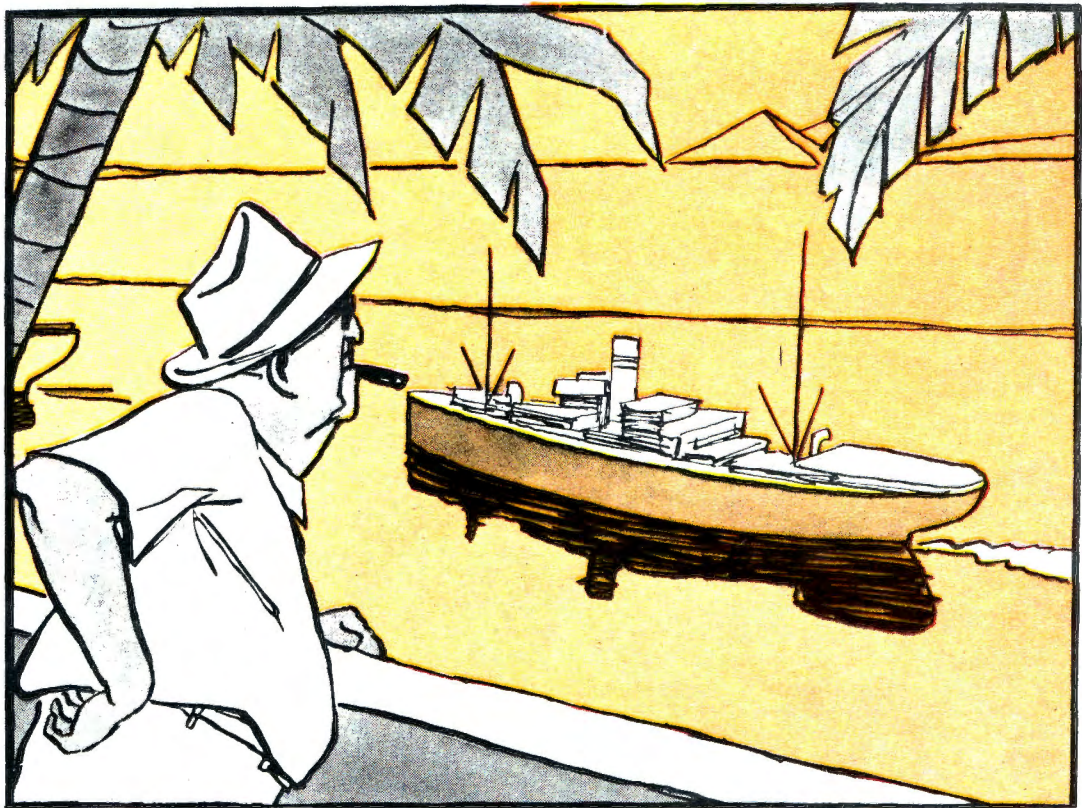
По вечерам синьор Густаво запирается в своей могиле и мнит себя счастливым.

А мне грустно. И отчего же мне веселиться, если мой сосед по планете — а он ЧЕЛОВЕК — ежедневно находит своё счастье в некоем подобии домашней смерти? Синьор Густаво наслаждается этими минутами «личной жизни», считая их самыми счастливыми минутами своего существования, подобно людям с атрофированными вкусовыми рецепторами, которым самая отвратительная пища кажется верхом кулинарного искусства.

«Ж-ж-ик... ж-ж-ик»...



Раньше текло колонизаторам в руки...



...а теперь — мимо.

Но самое печальное было потом, когда я всё-таки выглянул за дверь и увидел совершенную бесполезность терпеливой работы ножниц синьора Густаво. Я увидел, что его дом, погружённый во мрак, забаррикадированный глухими ставнями, весь опутан нитями, которые связывают его и с Народным банком, и с атомной энергией, и с классовой борьбой, и с министерством иностранных дел, и с тысячей других явлений и мест. У самого вулкана не хватило бы

сил разорвать их все. Что же выходит? К чему же все его мечты об этой иллюзорной смерти? И я невольно подумал, что синьор Густаво похож на ребёнка, который, закрыв глаза ручонками, кричит: «Вас нет, вы все убежали!»

«Ж-ж-ик... ж-ж-ик»...

Из итальянского журнала «Вие нуове».
Перевёл А. КОРОТКОВ.

Автор этих строк располагает точными сведениями о том, что астрономы планеты Марс обнаружили на планете Земля странные живые существа. Внешне они похожи на обычных землян — у них руки, ноги, головы, портфели.

Но есть у них одна особенность, которая отлично видна не только в телескоп, но и невооружённым глазом. Это специфическая бледность лица, то есть неумение краснеть даже тогда, когда краснеть полагается.

Последние наблюдения показали, что эти человечки охотно занимаются отписками, иначе говоря, канцелярским крючкотворством, вместо ясного и точного ответа на поставленный им вопрос; поэтому учёные Марса присвоили им название: отписатели.

Любимыми звукосочетаниями отписателей (это зафиксировано в обсерваториях Марса специальным слуховым аппаратом) являются: «примем меры», «дадим указание», «обеспечим выполнение».

Пожалуйста отписателю на плохую погоду, и он ответит вам в письменной форме:

«Настоящим сообщая, что мы примем меры к всемерному повышению качества климата во вверенном нам районе и неослабному прекращению осадков».

Случайно узнав, что на солнце во вверенном ему районе есть пятна, он на всякий случай сообщает в местную редакцию:

«Дано указание о ликвидации изъянов и тёмных пятен на всех видах уличного освещения, как то: солнце и т. п.».

А если кто из жителей пожалуется ему на беспорядки в подведомственных ему учреждениях, то он сразу точно из пулемёта начнёт стрелять, пуская в ход всю ленту своих холодных и бессмысленных словечек: «Тра-та-та... Приняты меры... Тра-та-та... Дадим указание... Тра-та-та... Обеспечим выполнение...»

...Вот один из телескопов на Марсе поворачивается в сторону города Артёма, Приморского края. Останавливается на точке под вывеской «Горторготдел».

Сегодня ясная погода, и в телескоп хорошо виден гражданин по фамилии А. Конев. Это заведующий. В данную минуту он пишет... точнее, отписывается в адрес редакции газеты «Кировец».

В газете был фельетон о безобразиях в промтоварном магазине № 15. Там продавщицы прячут под прилавки (для чего, для кого?) дефицитный товар. Этим воспользовалась некая рецидивистка-мошеница. Пришла в магазин, заявила, что она ревизор, и ей тотчас же вынули из-под прилавка и отдали все находящиеся там вещи.

А. Конев — опытный отписатель. Через телескоп видно, как он решительно и беззаботно строчит ответ в редакцию:

«Дано указание руководителям торговых организаций предупредить всех работников торговых предприятий о том, чтобы

ОТПИСАТЕЛИ

они от каждого проверяющего прежде чем допустить к проверке требовать предъявления удостоверения на право проверки».

Яркий образчик отписательского творчества! По существу дела — ни звука. О махинациях в магазине — ни слова. Но зато «дано указание» впредь быть осторожней с ревизорами, а то могут быть неприятности... Но ведь об этом ещё до Конева скорбел Сквозник-Дмухановский, обманутый Хлестаковым!..

...Кто это там? Телескоп показывает, как некий человек сидит в кабинете, что-то пишет. Это тов. Бочаров, заместитель председателя правления Новосибирского облпотребсоюза. Он сочиняет ответ пайщику сельского потребительского общества Татарского района. Пайщик жаловался, что в деревне Рождественка никак не могут достроить магазин. И Бочаров успокаивает беспокойного гражданина: «Строительство магазина в основном закончено».

Отписка на грани фантастики! И фантастика на грани обмана! Жители Рождественки ходят по улице своей деревни и видят только стены недостроенного здания. А им говорят:

— Нечего зря шататься по улицам. Надо сидеть дома и читать бумажки товарища Бочарова, там всё сказано.

...Есть люди, которые верят, что зубную боль можно унять заговором. И есть люди, которые этим пользуются: они нашёптывают бессмысленные слова, чтобы заставить думать, что от этих якобы чудодейственных слов уймётся боль.

Заговаривать зубы — это тот же приём отписательства. Нашёптыванием бессмысленных слов отписатели обещают вылечить больной дом, поправить гнилую крышу, замазать дырявый потолок.

Два телескопа марсиан действуют одновременно: один нацелен на Евпаторию, другой — на Ташкент.

В Евпатории видны два местных деятеля: заместитель председателя горисполкома Зайчикова и начальник городского жилищного управления Селезнев.

Вот уж больше двух лет, как они устно и письменно заговаривают зубы тов. Логутеву, квартира которого нуждается в срочном ремонте: здесь всё протекает, здесь всё валится. И «принимают меры» здесь пока что дождь и буйный ветерок: проникают во все щели, обеспечивают жильцов холодом и стужей.

Эти же самые стихии вот уже несколько лет убаживают жильцов дома № 37 по улице Дзержинского в Ташкенте. Дом разрушается. А отписатели из райсовета пытаются починить дом обещаниями, отписками, бумажками и тому подобным строительным материалом.

...В телескоп видно солнышко и видны уши отписателей. Скорее увидим, как чья-то крепкая рука возьмёт этих бюрократов за ушко — да и на солнышко.

Г. РЫКЛИН

ДОСАДНЫЕ ПЕРЕПЕЧАТКИ

ЗАШИФРОВАННАЯ СТАТЬЯ

Открыв № 3 журнала «Промысловая кооперация» за 1956 год, работники Ульяновского облпромсовета переглянулись: наконец-то вспомнили и о них! Посвятили им целую статью «Что скрывается за средними показателями».

Но чем дальше читали они статью, тем больше вытягивались их лица.

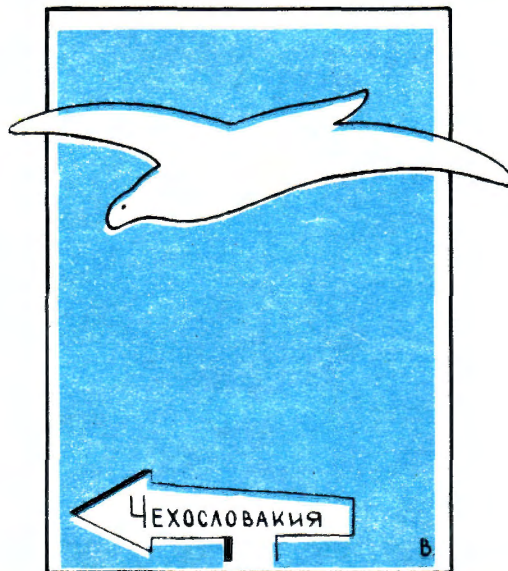
«А вот председатель правления тиинской артели Жиров больше занимается домашним хозяйством, и предприятие влечет членов артелей к управлению и контролю за работой кооперативных организаций, смелое развёртывание критики в течение двух лет не выполняет программу, а работает с убытками».

Сколько ни перечитывали эту фразу в Ульяновске, так и не могли докопаться до смысла.

Журнал остался верен себе до конца и заключил статью не менее туманной фразой: «Непременным условием улучшения всей деятельности промкооперации является строгое соблюдение Устава артели, при — и самокритики. Однако не везде эти условия соблюдаются».

Опять ничего не поняли! Одна надежда: может быть, редактор журнала «Промысловая кооперация» В. И. Левкин сообщит шифр, при помощи которого работники редакции так старательно спрятали смысл от читателей?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.



ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЁТ

(К гастролям МХАТа в Чехословакии)

КОЗЛЫ И КАПУСТА

Известно, что козлы весьма не равнодушны к капусте. Как же добиться того, чтобы соседские козлы оставили в покое ваш огород? Один мудрец решил этот вопрос довольно просто: поставил сторожем своего козла. Скоро на огороде вовсе не стало капусты и, следовательно, не стало повода для нашествия соседских козлов.

Этот анекдотический случай нашёл своё отражение и в реальной жизни. Исполняющий обязанности начальника Ставропольского районного отделения милиции (Владимирская область) Гудков и оперуполномоченный Маринин — эти местные стражи порядка — решили сразу ликвидировать причину массового браконьерства в своём районе. При помощи нехитрого средства — аммониака — они усердно принялись глушить рыбу в реке Колокше.

Видно, стремясь помочь милиции в таком трудоёмком процессе, ей активно помогают местные жители Никитин, Самодуров. Не отстаёт от них и мастер ковровского завода Монахов.

Мечется по рекам рыба. Не знает она, где искать защиты и от браконьеров и от сторожей.

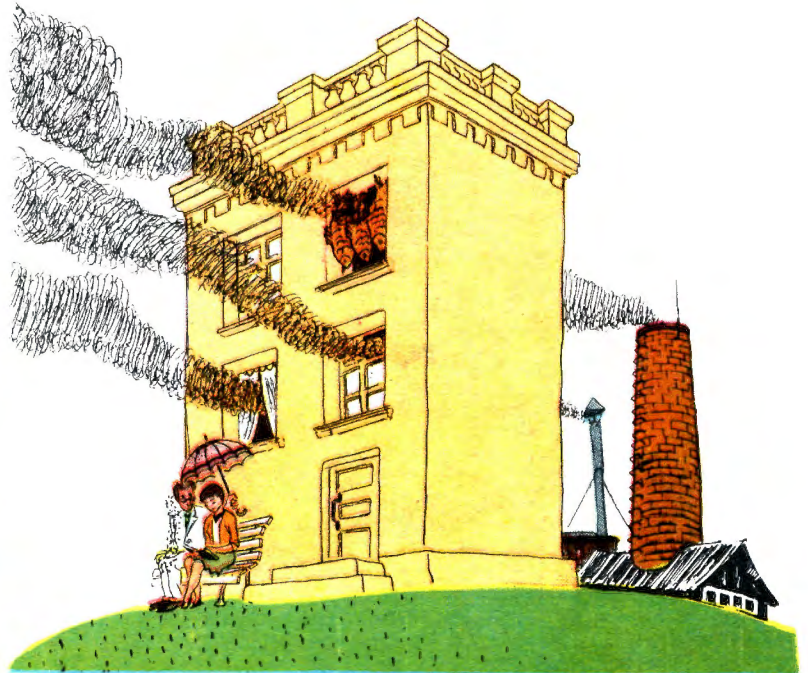
Крокодильская ЕМЕСЬ

Рисунок К. НЕВЛЕРА.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

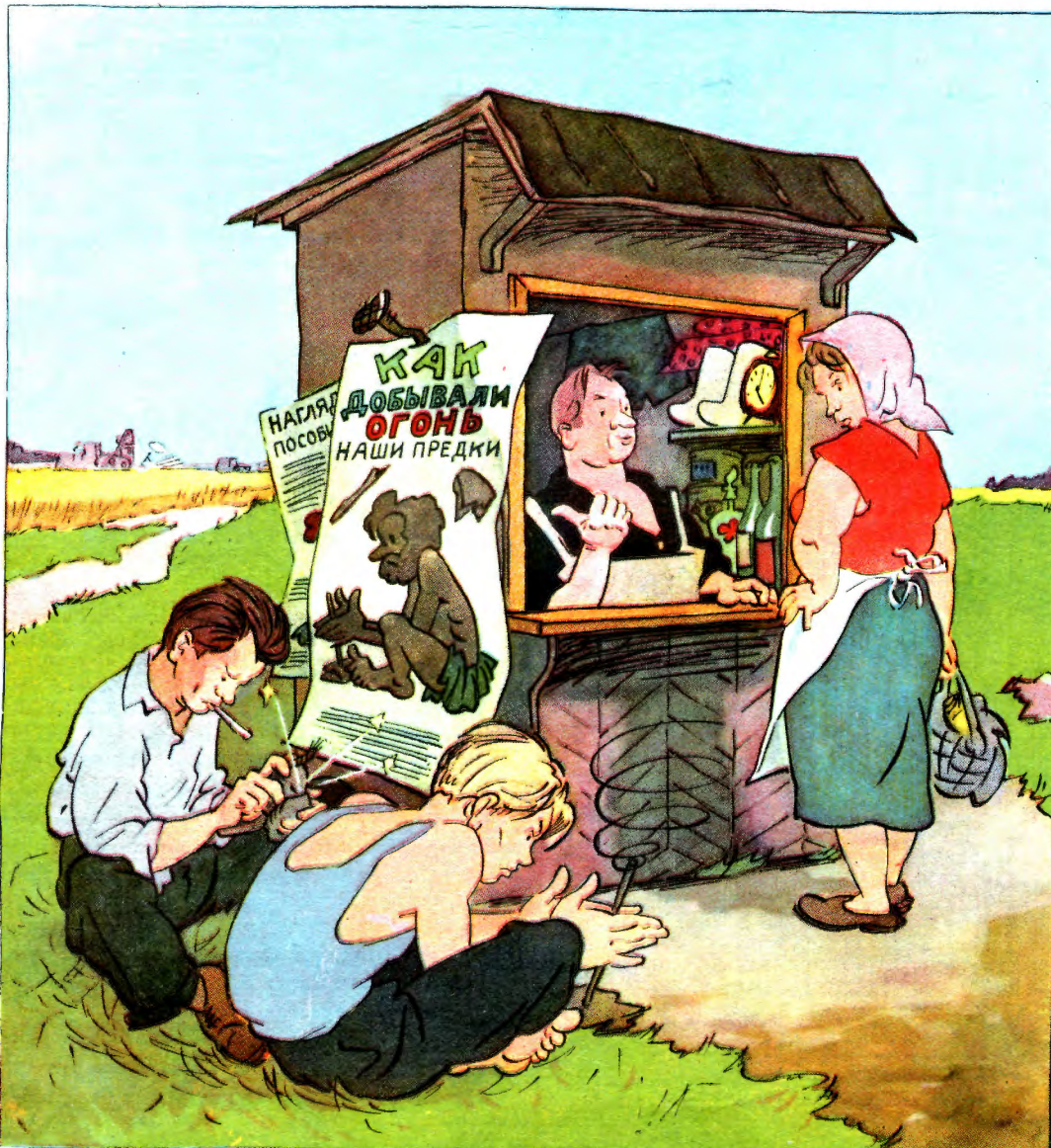


Весь в сына.



ДЫМОЧАДЦЫ.

Рисунок А. ВИНОГРАДОВА.



Забота о покупателе.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

ЭПИГРАММЫ

СОВЕТ ПОДХАЛИМУ

Мечтая о движении по службе,
Ты не клянись начальству в вечной дружбе.
Такие клятвы приносить беспечно:
Ведь и начальство под луной не вечно...

СЛУЧАЙ В АРТЕЛИ

В артели «Пух-перо» он важная пружинка,
Умеет сбить за пух он всякую труху.
Жена с него сдувает каждую пушинку,
А рыльце у него в пуху...

Рисунок К. УШАЦА.



— А ещё говорят, что я желторотая!



— На вашем участке тоже, небось, текуть большая!
— Очень... Везде течёт: и в клубе, и в столовой, и в общежитии.

Портрет Ивана Ивановича, нарисованный его подчинёнными и начальством

Дошло до Крокодила, что начальник Челябинского строительного-монтажного управления Главшахтостроя Министерства цветной металлургии Сингур груб с подчинёнными, зажимает критику, с коллективом не считается.

Крокодил эти сведения решил проверить. Спросил работников управления, каково они мнения о Сингуре.

— Грубиян и зазнайка,— хором отвечали строители.— На людей кричит, всех оскорбляет. Житья от него нет!

Совершенно иного мнения начальник Главшахтостроя Алексей Михайлович Ануров:

— Ивана Ивановича Сингура я знаю много лет, являюсь его прямым начальником, не раз говорил с ним и никогда от него грубостей не слышал. Всегда он вежлив, приветлив, предупредителен.

Это было похоже на правду. Действительно, мало вероятно, чтобы Сингур грубил своему начальнику, называл его бездельником, лодырем и раззявой и выгонял его из своего кабинета, как тех, кто находился в его подчинении.

— Работу развалил,— продолжают строители,— по его милости план не раз срывался.

— Так это только последние два года! — защищает Сингура тов. Ануров.— Раньше-то Иван Иванович куда лучше работал.

— Мы и на главк в обиде,— говорят челябинцы.— Сообщили туда о художествах Сингура, а его — трах! — и перевели в Каменск-Уральский на должность заместителя управляющего трестом «Уралалюминстрой». Мы только руками развели.

— А может быть, это и есть наказание? — поинтересовался Крокодил.

— Нет, что вы! — возразил тов. Ануров.— Никакое не наказание. Должность там не ниже, оклад не меньше.

— Тогда какова же причина перевода? Удивившись непонятности Крокодила, тов. Ануров с готовностью пояснил:

— Да ведь в Челябинском СМУ Иван Иванович был сам себе хозяин, что хотел, то и делал! А теперь он будет под надзором у управляющего трестом. У него уже не будет столько воли, как прежде.

— Значит, излишек воли ему вредил?

На этот скользкий вопрос Алексей Михайлович предпочёл не отвечать, зато выдвинул ещё одну причину перевода Сингура:

— Видите ли, товарищ Крокодил, Челябинское СМУ — предприятие небольшое, а наш каменский трест бурно растёт, перспективы там богатые. Вот мы и подумали, что Сингур там будет лучше.

Обосновав с такой несокрушимой логикой перевод Сингура на новое место, тов. Ануров дополнительно сообщил, что Иван Иванович — человек неплохой и очень хорошо ладил в Челябинске с партийной организацией.

Тов. Ануров желаемое принял за действительное! О «слаженности» Сингура с партийной организацией красноречиво говорят два документа, с которыми довелось познакомиться Крокодилу. Первый документ — коллективное письмо коммунистов Челябинского строительного-монтажного управления, из которых двое — члены партбюро. В письме с возмущением говорится о недостойном поведении Сингура. Второй документ — сообщение секретаря Челябинского горкома партии тов. Воронина о том, что вопрос о Сингуре обсуждался в первичной партийной организации и на заседании бюро Сталинского райкома партии, где ему был вынесен строгий выговор с занесением в учётную карточку. В конце этого письма секретарь горкома выражал своё удивление тем, что Главшахтострой, несмотря на всё, счёл возможным повысить Сингура в должности.

Да! Умеет-таки Алексей Михайлович Ануров выводить из трудных положений людей, которых он ценит. Обижал Сингур челябинских строителей, — значит, следует быстренько перевести его в другое место, с повышением и с «перспективами роста». Старое, но, к сожалению, не вышедшее из употребления средство.

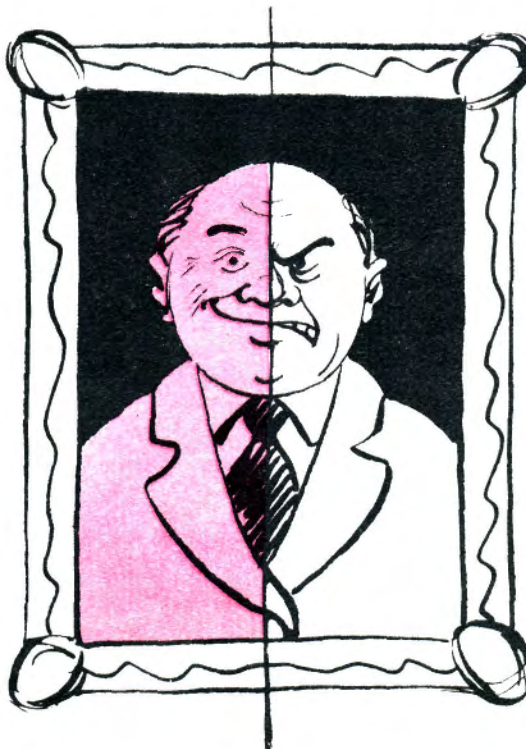


Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

Маленькие БАСЕНКИ

Понадобилось СТРАУСУ ДОМ
СТРОИТЬ. СТРУСИЛ СТРАУС,
ГОЛОВУ В ПЕСОК СПРЯТАЛ.
А ПОД ПЕСКОМ СПРЯТАЛ.
И В ГЛИНУ ГОЛОВУ СПРЯТАЛ.
СПРЯТАЛ, ПОДУМАЛ И НАПИСАЛ
В ЦЕНТР ЗАЯВКУ НА КИРПИЧИ.



Поймал Стиляга
Мотылька и СДЕЛАЛ
ИЗ НЕГО «БАБОЧКУ».



Жила-была
Модница. Ни
ОДНИ СЕРЬГИ
НЕ ПРОПУСКАЛА
ОНА МИМО
СВОИХ
УШЕЙ...



Некий Шофёр водил машину
БЕСПОВОРОТНО...
Вот как НЕКОТОРЫЕ ПОНИМАЮТ
ВЫСОКУЮ ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ!



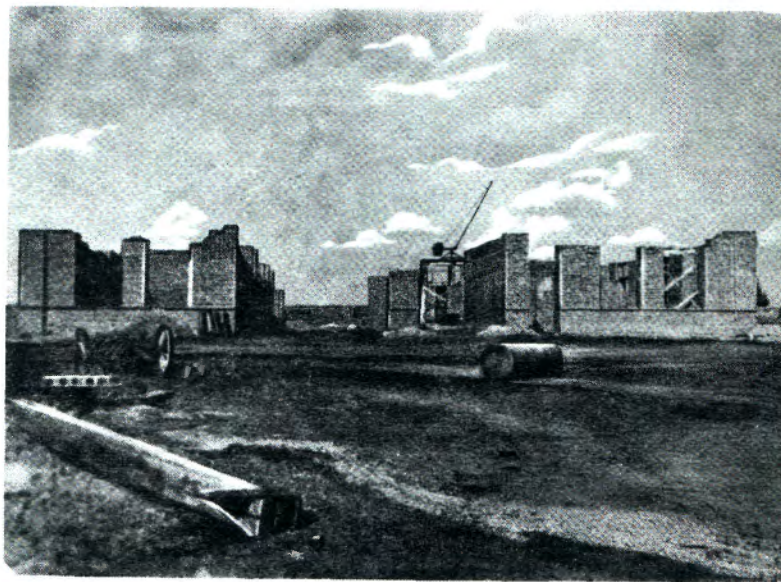
ФОТО-витрина



УПРЯМЫЙ ОБЪЕКТ

В тресте «Алтайсовхозстрой» изобретён новый метод сооружения зданий, чрезвычайно облегчающий работу строительной организации. Он состоит из двух операций: 1) закладывается фундамент будущего здания; 2) наполовину или чуть-чуть выше возводятся стены. Затем объекту предоставляется полная свобода расти самостоятельно под благотворным влиянием солнца и дождей без всякого участия строителей.

Этот способ ныне испытывается в Ореховской МТС Алтайского края на строительстве нового здания машинно-тракторной мастерской.



Как видно, испытания проходят не слишком успешно. Строительство началось ещё два года назад, давным-давно прошли сроки его окончания, но заупрямившийся «объект» нипочём не желает самодостроиться: подавай ему каменщиков, кровельщиков, прораба ему подавай!

А тем временем десятки тракторов и комбайнов, сотни прицепных машин приходится с превеликим трудом ремонтировать в старой мастерской МТС.



Нетрудно заметить, что старушка, как говорится, дышит на ладан и скоро окончательно развалится. Не этого ли дожидаются деятели «Алтайсовхозстроя», чтобы критически пересмотреть свой оригинальный метод строительства в Ореховской МТС?

АВРАЛЬНЫЕ ЧАСЫ



Бор. Ефимов - 56.

— В цех, что ли, зайти, кажется, уже время...